

УДК 140.8

Мельников Михаил Васильевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Новосибирского государственного технического университета
тел.: (3832) 266-46-33

Melnikov Mikhail Vasilyevich

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology of Novosibirsk State Technical University
tel.: (3832) 266-46-33

Чуркина Наталия Анатольевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, педагогики и психологии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин)
тел.: (3832) 221-97-87

Churkina Natalya Anatolyevna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology, Pedagogy and Psychology of Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin)
tel.: (3832) 221-97-87

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ КАК НЕСПОСОБНОСТИ К РАЗГОВОРУ

В статье анализируются две тенденции социокультурной трансформации, в происходящие современном мире – социокультурная унификация и социальная приватизация. Важнейшим последствием обеих тенденций выступает неспособность к разговору, которая обуславливает распад социокультурных связей и способствует деградации социального начала. В качестве причины нарушения герменевтического потенциала общества в рамках постмодернизма выступают деструктивные изменения ментальности.

Ключевые слова: социокультурные универсалии, социальная приватизация, ментальность, понимание, приватность, сокровенное.

MENTAL BASICS OF SOCIAL PRIVATIZATION PROCESS AS INABILITY TO CONVERSATION

The article analyses two trends of socio-cultural transformation taking place in the modern world - the socio-cultural unification and social privatization. The most important consequence of both trends is the inability to talk, which leads to the disintegration of social and cultural ties and promotes the degradation of the social origin. The destructive changes of mentality are presented as the cause of the society hermeneutic potential within the framework of postmodernism.

Key words: sociocultural universals, social privatization mentality, understanding, privacy, secrecy.

Трансформационные процессы, происходящие в современном мире, обусловлены двумя тенденциями. Первая из них представлена глобализацией, которая началась как экономическая и финансовая интеграция мира, но всё более утверждается как процесс формирования культурных универсалий, объединяющих на единой ценностной основе разные народы. «Все больше и больше пробивает себе дорогу универсализация в смысле унификации стилей жизни, символов культуры и транснациональных норм поведения», – так характеризует эту тенденцию У. Бек. [1, с. 43].

В то же время многие ученые обращают внимание на противоположную тенденцию, которая разворачивается одновременно с социокультурной унификацией и все больше дает о себе знать. Эта тенденция заключается в существенном ослаблении принципов солидарности и взаимопомощи во многих обществах. Уже много лет назад Х. Арендт обратила внимание на опасности катастрофических крушений общего мира на осколки. Состояние, в котором «никто уже не может видеть и слышать другого или быть увиденным и услышанным», Арендт характеризовала как феномен приватизации [2, с. 76]. Такое значение понятия «приватизация» весьма близко к значениям понятий «некоммуникативная социальность» (Д.М. Рогозин), «социальное угасание» (Р. Сеннет), «конец социального» (Ж. Бодрийар), «деградация социального бытия» (М. Буравой). Поддерживая обеспокоенность этих учёных об опасности деградации основ социальной жизни, деятельности и природы человека, мы рассматриваем феномены, на которые они обратили внимание как одну из сторон сложного и длительного процесса усиления роли частных интересов, начал, институтов общества, который мы определяем как социальную приватизацию [3, с. 167].

Увеличение стремления к приватизму своей жизни и преследование частных интересов, с одной стороны, может свидетельствовать о желании человека укрепить и защитить свою индивидуальность и свою собственность, создать персонально-приватное пространство. Однако, с другой стороны, в стремлении человека к приватизации мы усматриваем опасное начало процесса распада духовного единства общества и человечества и деградации человеческой социальной природы.

Одно из наиболее негативных последствий социальной приватизации – утрата человеком способности к пониманию другого, выводит проблему понимания на общечеловеческий уровень и ставит перед социально-гуманитарными науками задачу выработки механизма понимания на уровне не только индивидов и социальных групп, но и цивилизаций.

Учитывая, что дисфункциональность процесса понимания в обществе нарастает, исследователи осознают необходимость научного анализа герменевтической проблематики. Г.Г. Гадамер в статье «Неспособность к разговору» (1971) исследовал феномен монологизации в современную эпоху. Неспособность к разговору, с точки зрения ученого, это скорее упрек другому, который не желает приложить усилие, чтобы тебя понять, нежели реальный недостаток этого другого [4]. Такое положение дел опасно не только тем, что затрагивает глубочайшие онтологические начала человека и делает ощущение отчуждения трудновыносимым, но и нарастанием деструктивно разрушительных для человеческой социальности форм социальной приватизации. Подобную ситуацию можно проиллюстрировать на примере ветхозаветной легенды о строителях Вавилонской башни, которые были лишены возможности понимания друг друга в наказание за свою гордость.

Одним из важнейших духовных феноменов, позволяющих осмыслить значение и общественные последствия социальной приватизации выступает феномен ментальности. Этимологически понятие «ментальность» происходит от латинского *mens* («ум, мышление, рассудок, образ мыслей»). В современной науке мышление понимается как «внутреннее, активное стремление овладеть своими собственными представлениями, понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями и т.д. с той целью, чтобы получить необходимую для овладения ситуацией директиву» [5, с. 280]. Таким образом, сформированная на основе определенного типа мышления ментальность, как определенный «умственный инструментарий», «психологическая оснастка», дает возможность человеку «по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя» [6, с. 56-57]. Функция ментальности «осмыслить, постигнуть содержание, смысл, значение чего-либо» может быть определена как понимание [7, с. 551], а сама ментальность может быть эксплицирована как темпорально устойчивая система социокультурных смыслов, обуславливающая определенный способ миропонимания. В данном контексте понимание рассматривается как онтологический феномен и может быть определено как процесс постижения единого духовного начала эпохи (Ф. Аст), как способ постижения мира (Ф. Шлейермахер), как проникновение в «душу» той или иной культуры (О. Шпенглер).

Исследователи подчеркивают важность понимания для осуществления процесса человеческого общения и самосознания. Так, Г.Г. Гадамер утверждал, что понимание способствует нравственной и социальной солидарности, так как в «разговоре возделывается общее поле говоримого» и формируется общность, которая «перестает служить выражением моего или твоего мнения, будучи общим способом миростолкования» [8, с. 42]. Реализация понимания, как важнейшей ментальной функции, позволяет человеку, с одной стороны осознавать неповторимое начало своего «Я», а с другой – идентифицировать себя с другими. Таким образом, ментальность обуславливает как социокультурное разнообразие, так и социокультурный универсализм на основе определенных структурных элементов – социокультурных кодов и смыслов, а также архетипов коллективного бессознательного, сохраняющихся в человеческой ментальности.

За 40 лет, прошедших со времени выхода работы Гадамера, проблема неспособности к разговору не утратила своей актуальности: есть много оснований в пользу вывода о том, что она стала ещё более значимой для всего цивилизованного мира в аспекте нарастания процесса глобализации и усиления социокультурной унификации.

Существует достаточно широкий пласт исследований глобализации, в рамках которых социокультурная унификация определяется как вестернизация, то есть доминирование в глобальном масштабе ценностей западной цивилизации, далеко не однозначно принимаемых представителями других культур. Невозможность и неприемлемость единого, а вернее одномерного «мирочувствования», и основанного на нем объяснении происходящих в мире процессов, постулировали С. Хантингтон, Э. Саид, И. Валлерстайн, В.И. Добренко, А.В. Бузгалин и другие ученые. Ориентация, прежде всего на сверхпотребление, на материальные ценности и прибыль, закреплённая в западной ментальности, выступает основой разрушения социальности и даже человечности, что и приводит к угасанию функции понимания. Неспособность к разговору, а, следовательно, и разрушение основ социальности, наблюдается и в российском обществе. Консолидация людей происходит не на основе позитивных общих интересов и ценностей, образующих основу для совместной деятельности, а на солидарности отталкивания и демаркации [9, с. 253]. Высокий уровень недоверия и подозрительности приводит к тому, что люди не могут позволить себе откровенное общение друг с другом, за исключением самых близких людей, хотя и эти отношения уже не столь устойчивы.

В связи с этим ряд ученых склоняется к мысли о том, что высокая степень приватности связана не с тем, что человек утрачивает способность общаться с другими, а вытекает из того, что переживания и мысли людей не могут быть доведены до других и поняты ими так, как понимают их сами люди. Возможность такого непонимания и необъяснения допускает и Г.Г. Гадамер. «Как человек переживает мир в своем опыте, как он его видит, слышит, наконец, ощущает на вкус – все это навеки остается его

сокровенной тайной... и наши влечения, и наши интересы сугубо индивидуальны, а разум, общий всем нам и наделенный способностью постигать общее для всех, – он бессилён перед всей той ослепленностью, какую воспитывает в нас наша отъединенность», – утверждает ученый [10, с. 86]. Американский исследователь Т. Нагель в известной работе «Каково это быть летучей мышью?» пишет об особенностях опыта сознания у различных существ, например летучей мыши. «Мы можем составить себе только схематическое представление о переживаниях летучей мыши», – утверждает Т.Нагель и продолжает: «мы знаем, что все эти переживания имеют некий субъективный характер, которого нам постичь не дано». Исследователь также говорит не только о невозможности постичь сознание животного, но утверждает, что человеку также не подвластен опыт других людей [11]. «Приватное» в данном смысле значит относящееся к отдельно взятому человеку знание, ощущение, желание, вожделение и т.д. Оно недоступно другим потому, что люди, если использовать терминологию Н. Лумана, суть ауто-поэтические системы, неспособные открыться друг для друга так, как они открыты сами для себя. Таким образом, можно предположить, что самые глубокие, тонкие, интимные, оригинальные и неповторимые стороны натуры каждого из нас никогда не могут быть доступны и понятны другому человеку так, как они доступны и понятны их обладателю. Например, люди, имеющие суицидальные настроения, могут использовать для сообщения другим людям, в том числе самым близким и дорогим для них, слова, значения которых общеизвестны, однако сила переживания и страдания, которые они ощущают, могут не быть поняты этими другими. Еще одно, неперебиваемое на язык других людей, переживание связано с несчастной и неразделённой любовью. И, наконец, высокая степень приватности, которой стараются держаться люди, связана с наличием у них заболеваний, публичное признание которых может поставить этих людей в ряд стигматизированных. Такая высокая степень приватности, свойство которой – неоткрываемость для других, может быть названа сокровенной. С точки зрения В.Г. Богомякова сокровенное рассматривается как «понятие, способное выразить идею абсолютной основы мира как животворной незримости, с которой человек находится в синергийных, диалогических отношениях» [12, с. 21]. В отличие от В.Г. Богомякова мы рассматриваем сокровенное как интимно-личное и неоткрываемое никому – не в силу нежелания, а в силу невозможности, предопределённой тем фактом, что мы, люди, существуем будучи отделимыми друг от друга нашей телесной формой и формой выражения нами своих личных чувств, образов и мыслей. Таким образом, сокровенно-приватное есть не сознательно-утаиваемое и скрываемое от других людей нечто в нашей природе, а есть то, что не открывается и недоступно для них вообще или частично в силу нашей разделённости и отделимости друг от друга как физических существ. Возможно, этот уровень невыразимо-личного рассматривается в теологической, особенно мистической литературе, когда речь идёт об обращениях кающегося, сомневающегося и страдающего человека к Богу.

В то же время абсолютизация сокровенности, неоткрываемости и неперебиваемости духовного мира человека для других людей вызывает определенные сомнения у ученых. Л. Витгенштейн попытался разрешить подобное противоречие в рамках анализа понятия «приватный язык». Исследователь понимает под ним язык, с помощью которого человек мог бы обозначать свои ощущения и внутренние состояния, недоступные внешнему наблюдению, к которым имеет привилегированный доступ только их обладатель. Но Витгенштейн считал приватный язык невозможным, поскольку даже привилегированный доступ человека к собственным ощущениям, и сообщение о своих ощущениях другому человеку являются фактами грамматики общего (общественного) языка [13, с. 127-128].

Рассматривая язык и общение как феномены культуры, австрийский философ сомневался в возможности реального существования приватных условий человеческого знания и опыта, не вызванных общественными влияниями. В связи с этим, можно утверждать, что способность понимать других, способность к диалогу, на основе социальной солидарности и единения людей, покоится на глубочайших ментальных основаниях человеческого сознания. Подобная ментальная основа обуславливает возможность понимания друг друга для представителей разных социальных слоев того или иного общества, а также представителей разных этнических и других общностей. Наблюдающееся же ослабление человеческого герменевтического потенциала в современном обществе может свидетельствовать о деструктивных процессах, происходящих в ментальности. Об опасности такой деструкции предупреждал К.Г. Юнг, который отмечал, что мировоззрение и общественный порядок, отрезающие человека от праяобразов жизни, не только не являются культурой, но в значительной мере представляют тюрьму или хлев [14].

Ментальность, по мнению большинства ее исследователей, представляет собой достаточно устойчивый духовный феномен. Тем не менее, многие ученые, как, например, классики изучения ментальности, представители школы «Анналов», Ф. Бродель и Ж. Дюби, допускали возможность определенных изменений в ее структуре. При этом исследователи говорили о разных типах изменений, начиная с краткосрочных до более глобальных. С нашей точки зрения, в современном обществе изменению и деградации начинают подвергаться все ментальные структуры, в том числе и

так называемые «темницы долгого времени» (Ф. Бродель), то есть те, которые представляют собой наиболее устойчивые, не изменяющиеся даже со сменой поколений представления, образцы поведения и стереотипы. Более того, наблюдается трансформация еще одного, наиболее константного слоя ментальности, связанного с биологическими свойствами человека и изменяющегося лишь с «эволюцией самих биологических свойств» [15, с. 20]. Представляется, что даже этот ментальный слой уже не может рассматриваться как абсолютно стабильный в связи с теми значительными модификациями, которым подвергается человеческая телесность и отношения между полами в рамках постмодернизма.

Оказавшись в таком негостеприимном мире, ощущая ментальный разрыв с себе подобными, человек обращается к приватному, сокровенному в поисках надежной защиты. Уходя «в себя» от общества и других людей, человек отвергает возможность проникновения в свой личный мир других людей с их заботами и вопросами. Чтобы усилить нашу недоступность и укрепить наше внутреннее равновесие, мы выключаем наши сотовые телефоны и «выключаем» наше сопереживание другим людям и наше соучастие в их делах и проблемах. В этом можно видеть усиление развития личностного начала как начала, освобождающегося от социально-групповых идентичностей и обязанностей, включая членство в семье, гипертрофированное в современном обществе. Представляя собой, с одной стороны, защитные реакции или адаптивные индивидуальные практики, с другой стороны, эти изменения являются примерами новых поисковых стратегий и тактик, осуществляемых людьми в условиях социальной неопределенности и нестабильности.

Но с другой стороны, эти новые тенденции свидетельствуют о глубоких и тревожных изменениях, которые касаются, может быть, самых основ нашей социальной природы и социального начала человеческой ментальности. Рост приватной сферы жизни способствует снижению интереса людей к общественным делам и интересам, снижению членства в социальных организациях и группах, в профсоюзах и церквях, что означает фактически снижение силы социального участия в делах общества и способно привести к уменьшению общественной интеграции. Наиболее радикальная и завершенная общественно-опасная форма такого рода приватизации может быть охарактеризована как неспособность и нежелание людей слышать и видеть друг друга, быть увиденным и услышанным, понятым и принятым, неспособность и нежелание осуществлять коллективные и кооперативные социальные действия. Следующей стадией процесса приватизации может быть только смерть общественного, социального и человеческого. Неспособность многих людей к разговору, диалогу и сотрудничеству с другими людьми, разрушение ментальных начал является, несомненно, шагом на пути к этому трагическому будущему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бек У. Что такое глобализация?: ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
2. Арндт Х. *Via activa*, или О деятельной жизни. СПб., 2000.
3. Мельников М.В. Социальная приватизация в современном обществе: значение феномена // Актуальные проблемы российской философии: межвузовский сб. научн. тр. в 2-х т. Пермь, 2011. т. 2.
4. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
5. Философский энциклопедический словарь. М., 2009.
6. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. 1988. № 1.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
8. Гадамер Г.Г. Указ. соч.
9. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002 годов. М., 2004.
10. Гадамер Г.Г. Указ. соч.
11. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Глаз разума: фантазии и размышления о самосознании и о душе. Самара, 2003.
12. Богомяков В.Г. Сокровенное как горизонт человеческого бытия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2000.
13. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М., 1996.
14. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
15. Горюнов Е.В. Ж. Дюби. История ментальности // История ментальности, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.